

**Сергей Николаевич Сергеев-
Ценский**

**Весна в Крыму (Преображение
России - 15)**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Весна в Крыму (Преображение России - 15) / Сергей Николаевич Сергеев-Ценский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 100 с.

ISBN 978-5-458-03933-8

Историко-революционная эпопея "Преображение России" замечательного русского советского писателя С. Н. Сергеева-Ценского включает в себя двенадцать романов и три повести, являющиеся совершенно самостоятельными произведениями, объединенными общим названием.

ISBN 978-5-458-03933-8

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Сергеев-Ценский Сергей
Весна в Крыму
(Преображение России -
15)

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Преображение России

Эпопея

Весна в Крыму

Роман

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей
страницы.

Содержание

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвертая

Глава пятая

Примечания

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Было утро 20 февраля 1917 года, когда художник Алексей Фомич Сыромолотов сказал за чаем своей молоденькой жене:

- Ну, Надя, сегодня я решил поставить точку. Свою "Демонстрацию перед Зимним дворцом" считаю вполне законченной. Ни одного мазка добавить к ней не могу и даже боюсь, чтобы не засушить.

- А что это значит "засушить"? - спросила Надя, некрупная, русоволосая, с голубыми спокойными глазами, начавшая уже убирать со стола лишнюю посуду.

- Вот на-а! Не знает, что значит "засушить"! - с виду как бы удивился Алексей Фомич. - Это значит переборщить, перемудрить, а в результате испортить картину... Начнет художнику казаться, что вот бы добавить еще такую деталь, а в ней, в этой детали, совсем никакой надобности нет, а есть только прямой вред: упрется зритель в нее глазами, и ее, эту деталь-то, он, конечно, разглядит, а целое упустит... Из-за деревьев леса не заметит! Из-за букашек и таракашек - слона!.. Каждая деталь должна в одну общую цель стрелять, а не раскорячиваться самовольно и неизвестно, зачем именно!

Алексей Фомич встал и сделал по столовой несколько медленных и тяжелых шагов, отчего зазвенели на столе стаканы, и, увидя, что Надя взяла в руки полотенце, чтобы начать мыть в полоскатель-чашке и вытирать посуду, взял ее за руку и сказал:

- Брось-ка это, Надя, и давай посмотрим на картину как посторонние люди, но-о... знатоки искусства! Такие, что пальца им в рот не клади, откусят! Помашки-ка вот так рукой перед глазами и свою привычку к картине смахни, - поняла?.. Ты теперь не ты, а какая-

нибудь Фелицата Кузьминишна, и не какая-нибудь так себе вообще, а тоже художница, вроде Виже Лебран, и можешь мне прописать ижицу!

- Не пойму, Алексей Фомич, что тебе еще от меня надо, - несколько недовольно сказала Надя, - я тебе, кажется, все сказала, что мне казалось нужным...

- Все?.. Вот как!.. А пер-спек-тива? - И Алексей Фомич покачал влево и вправо головой.

- Какая такая перспектива? - удивилась Надя, Алексей же Фомич почти испугался:

- Ты... жена художника... не знаешь... что называется перспекти-вой?

- Ты мне никогда не говорил о ней, - защитилась, но покраснела Надя.

- Не говорил?.. Неужели не говорил?.. Значит, думал, что тебе это там, в твоей гимназии, говорил учитель рисования!.. А если он вам, девицам, не говорил, что такое перспектива, то почему же, спрашивается, его держали в гимназии? Что же это такое? Может быть, у тебя даже и чувства перспективы нет, а?

- Не знаю, есть или нет, - созналась Надя, сидевшая все еще с полотенцем в руках.

- Вот, например, что такое перспектива линейная, - так как есть еще и воздушная, - она касается красок. Видишь, - дверь: обе половинки закрыты... Какая фигура каждой половинки? Геометрию-то у вас преподавали?

- Прямоугольники это, - слегка вздохнув, не совсем уверенно ответила Надя.

- Прямоугольники, - очень хорошо!.. Хорошо, что не сказала: квадраты... А если эту половинку я открою, то какая фигура получится тогда?

И Алексей Фомич открыл дверь и впился испытующим взглядом в растерявшиеся от неожиданности глаза Нади.

- Какая же фигура может получиться из прямоугольника, кроме того же прямоугольника? - проговорила Надя. - Ведь это не из точки прямоугольник, а из доски.

- Та-ак! - очень пренебрежительным тоном протянул Алексей Фомич.

- Ты, кажется, вздумал меня расспрашивать? - и отвернулась недовольно Надя и от двери и от мужа, но приняться за мытье стаканов и блюдец ей не удалось: Алексей Фомич поднял ее сзади под мышки, поставил прямо перед дверью и сказал не рассерженно,

а спокойно:

- Смотри в оба и убедись, что не прямоугольник, а трапеция. Причем неравнобокая, - это тоже заметь.

- Почему трапеция, - не понимаю!

Так как это непонимание прочитал на лице жены Алексей Фомич еще раньше, чем она в нем призналась, то он вынул карандаш из бокового кармана тужурки и подал ей:

- Вот - меряй!.. Возьми его так, левый глаз прищурь и меряй заднюю линию двери и потом переднюю... Меряй внимательно, а не кое-как! Отметь ногтем на карандаше, где задняя, где передняя линия...

Надя внимательно поглядела на мужа, - не шутит ли, - потом, поняв, что не шутит, принялась измерять карандашом обе линии двери и, наконец, сказала удивленно:

- А ведь ты, Алексей Фомич, действительно прав!

- Как всегда!.. Добавь это: как всегда! Да, наконец, ты это и по верхнему углу могла бы заметить без всякого измерения... Видишь, куда он опустился сравнительно с передним углом? Вот это и есть закон перспективы: в науке - быть, а в искусстве - казаться!.. А профессор живописи Зорянко, чтобы вколотить в головы своих учеников законы перспективы, приносил в класс веревки и натягивал их на аршин от пола вперекрест, поперек и вдоль, чтобы получилось подобие паркета: сидите или стойте, но зарисуйте, что видите, в точности! А профессор Чистяков доказывал, что на исторической картине художника Лебедева "Боярский пир" человеку, который вносит на блюдах лебедя, совершенно нет места на полу: идет по воздуху!.. Вот что такое линейная перспектива! Быть и казаться! Быть и казаться!.. А если бы не было этого самого "казаться", то не могло бы быть и никакого искусства!

- Хорошо, перспектива, - но почему же так? - продолжала недоумевать Надя.

- Таково устройство нашего глаза. А как устроен наш глаз, это ты тоже должна была узнать в своей гимназии. Хотя, конечно, можно предположить, как у вас проходила физика! Ну, после такого вступления пойдем в мастерскую!

Надя повесила было полотенце на стул, но в это время раздался оглушительный лай овчарки Джона, и оба они повернулись к окнам, выходящим на двор.

Джон был в передней, скреб лапой входную дверь и не переставал лаять, а на дворе показалась какая-то хлипкая, сутулая фигура явно духовного звания.

- Какой-то поп! - определила Надя.
- Да-а... Что-то в этом роде... Зачем же ко мне поп, раз я еще пока жив? - недоумевал Алексей Фомич.
- Я пойду его встречу, а ты, Алексей Фомич, уведи Джонни на кухню, а то кабы не порвал!
И оба пошли в переднюю, причем Сыромолотов бурчал на ходу:

- Может быть, это он с фронта и что-нибудь насчет Вани сказать хочет?

Фигура духовного звания оказалась дьяконом, по имени Никандром, приехавшим из городка на южном берегу.

У Сыромолотова недоуменно были подняты брови, когда дьякон Никандр объяснил ему, зачем он приехал.

- Понимаете ли, Алексей Фомич, несчастье случилось, икону нам один доброхот пожертвовал, большая икона и название имеет: "Христос у Марфы и Марии". Так вот, икона эта пострадала от свечки.

- То есть как пострадала? - спросил Сыромолотов.

- Так, стало быть, свечка наклонилась к иконе из подсвечника, а никто не доглядел. Тлел, тлел холст, и порядочный кусок сотлел.

- Позвольте, икона, вы говорите, а не то что это копия была с картины Генриха Семирадского. У Семирадского как раз и есть такая картина "Христос у Марфы и Марии". И должен вам сказать, что мне она нравится и по замыслу и по исполнению. Отлично передан там свет солнечный, южный, и сюжет хорош. Христос на ней - это, конечно, символ общедоступный и общепонятный. Мог быть и не Христос, а, например, философ Платон, или художник Леонардо да Винчи, или итальянский поэт Торквато Тассо, или, наконец, Ньютон, Коперник, вообще человек духа, а не желудка. Мария сидит около ног Христа и его слушает, а сестра ее, Марфа, требует, чтобы она помогала ей по хозяйству. Тут единственный случай в жизни этой Марии, около ног ее лежит какой-то струнный инструмент, значит, она занимается музыкой. А тут не угодно ли идти помогать варить чечевичную похлебку. Исключительный случай в жизни, завернул в их хижину великий человек, и Мария не хочет пропустить ни одного его слова, вот смысл этой картины.

- Мы ее освятили, Алексей Фомич, какая же она теперь картина, она икона, - и лицо дьякона Никандра стало вдруг строгим. Лицо это занимало Алексея Фомича тем, что челюсти на нем очень заметно шевелились и прихотливо вели себя в то время, когда говорил дьякон. Небольшие черные глаза дьякона теперь глядели на художника в

упор, и, заметив это, Алексей Фомич спросил:

- Большой ли кусок холста истлел?

Дьякон отмерил на столе три своих четверти в высоту и две четверти в ширину.

- Так я должен восстановить это? - спросил Сыромолотов. - Картину я представляю, но вы не сказали мне, где это выгорело, - слева, справа, в середине?

- Это в левом углу, - сказал дьякон.

- А-а, это там, где голуби, - догадался Алексей Фомич.

- Истинно, где голуби. А это у прихожан любимое было место, куда они прикладывались.

- Ну да, ну да, - сказал Сыромолотов, - ведь голубь - это тоже символ святого духа, третьего естества троицы, значит, мне голубей надобно написать вновь на своем холсте, а потом мой холст пришить к картине, то есть к иконе. У меня где-то есть репродукция Семирадского, где-то в папке лежит, могу найти. И, пожалуй, даже если бы мне поехать с вами, я бы мог там, на месте написать голубей и сам пришил бы холст. Вообще сделал бы всю реставрацию.

Эти слова заставили дьякона Никандра просить неподдельно.

- Вот бы обрадовали и наш причт, и прихожан наших, - он опять сделал ударение на "о". А Алексей Фомич тут же поднялся и начал искать в шкафу папку с репродукциями картин.

- И неплохо то, что прихожане прикладываются к голубям, так как голубь - символ третьего лица троицы, святого духа... И то сказать, голубь-то летает, а человек в те времена только мечтал о том, чтобы летать.

- Времени я терять не привык, отец дьякон, - сказал Алексей Фомич, когда красочная репродукция с картины Семирадского была у него в руках. Если ехать, так ехать. Угостить вас могу только чаем. Стали жить теперь скудно. И я даже удивляюсь, как это у вас остались свечи?

- Свечи? Да заготовили раньше, в начале войны. Ведь от свечей главный доход церкви, а потом даже делали и так: погорит, погорит свечка в подсвечнике - приказываем ее снять, среди службы снимает свечной староста, а потом продает как новую. Так одна свечка на несколько служб.

Не больше чем через час Алексей Фомич, условясь с дьяконом о плате за реставрацию иконы и взяв с собою все нужное, выезжал на извозчике из Симферополя. И в то время, как дьякон рассеянно глядел вперед, Алексей Фомич, как сухая губка воду, впитывал в себя холмистую местность, на которой кое-где пятнами виднелись

небольшие стада коров.

- Давно не ездил тут. Это вы, отец дьякон, явились ко мне, должен вам сказать откровенно, очень кстати, и отдохнуть и встряхнуться мне было надо.

Когда начали спускаться с перевала, внимание Алексея Фомича приковала к себе гора Екатерина, на которой искусством самой природы как бы был поставлен памятник Екатерине II, в царствование которой Крым был присоединен к России. Когда же доехали до памятника Кутузову, Алексей Фомич, как ни спешил к месту работы, попросил дьякона остановиться.

- Поймите, - говорил он, - ведь именно тут, в этих местах было сражение Кутузова с десантным отрядом Гассана-паши. Здесь он получил свою знаменитую рану в голову. Вот, может быть, под этой двухсотлетней дикой грушей он и лежал раненый. А Екатерина с горы своего имени на него глядела.

Алексей Фомич за все время остановки ходил между деревьями, стремясь вообразить и представить, где тут могли быть отряды русских солдат и где турецкие десантники в своих красных фесках.

- Именно сюда, - говорил он дьякону Никандру, - я и приехал бы писать этюды для картины, если бы такую картину задумал. Какая обстановка, поглядите, поглядите-ка хорошенько!

Дьякону пришлось напомнить Алексею Фомичу, что надо ехать, до того он увлекся.

Так как в городок приехали еще засветло, то Алексей Фомич решил тут же приступить к делу, и дьякон отворил для него церковь.

- Плохо освещена картина, - сказал дьякону Алексей Фомич, - но даже при таком освещении, должен вам сказать, копия сделана отлично. Можно пожелать мне, чтобы копии с моих картин делались бы так же талантливо.

Только после этого он начал ковырять пальцами то, что истлело, и примерять привезенный им кусок холста.

- Кстати, - сказал он, - я думал, что меня встретит ваш священник.

- Отец Виталий болен, лежит. Я не говорил об этом, лежит, вы уж извините, - заторопился дьякон. - Он бы и сам поехал к вам, да разболелся. Вы уж извините, Алексей Фомич.

- Охотно, очень охотно извиняю. - И тут же, вынув из ящика палитру, кисти и краски, Алексей Фомич начал копировать с репродукции голубей.

- До того, как настанут сумерки, я, пожалуй, этих голубей напишу, говорил дьякону Алексей Фомич. - По готовому образцу, - отчето же не написать. Три сизых, один светло-коричневый. В естественную величину написал их Семирадский, хотя они и не на первом плане. Погрешность его против линейной перспективы. - Ну, так и быть: поправлять его не намерен.

- Вот как, Алексей Фомич! - обеспокоился дьякон Никандр. - Так вы, значит, ошибку тут находите?

- А как же! Ошибка, конечно... Поглядите на Марфу: далеко ли стоит она от голубей, а какая маленькая фигурка! Если голуби в естественную величину, то и Марфа, и Мария, и Христос только чуть-чуть меньше своей естественной величины.

- Гм... Вот ведь как один художник судит другого, а мы, как бараны, ничего не замечаем, - до того опечаленно проговорил дьякон, что Сыромолотов решил успокоить его:

- Это - пустяки, - то ли еще бывает по недосмотру! А вот я должен писать тонкими кистями, чтобы не получилось больше, чем надо. Да еще, должен вам сказать, прибегаю к сиккату, чтобы к завтрашнему утру краски высохли, - иначе как же я пришью свой кусок холста? Между прочим, и цыганскую иголку и суровые нитки для этого я захватил из дому, так что об этом не беспокойтесь.

В это время в церковь вошла молодая красивая женщина, одетая просто, но не бедно, с черными страусовыми перьями на шляпке, с высокой открытой белой шеей.

- Привезли Алексея Фомича? - оживленно обратилась она к дьякону. - Вот как хорошо получилось. - И тут же обратилась к Сыромолотову: - Здравствуйте, Алексей Фомич!

- Простите, я... Откуда вы знаете мое имя и отчество? - пробормотал Сыромолотов.

- Все знают, не только я, - продолжала вошедшая. - А я - виновница того, что часть иконы истлела: у меня была свечка, осталась еще от похорон отца полковника, - десятикопеечная, длинная, с золотой канителькой... Я ее поставила перед любимой своей иконой, да, значит, она не вошла как следует в подсвечник и наклонилась... А другие свечки в этом подсвечнике были все маленькие, огарки. Я же и заметила, что икона горит, кинулась поправлять свою свечку, - оказалось, что поздно. Я же посоветовала вот отцу дьякону к вам обратиться.

- Это верно, - поддержал ее дьякон. - Наталья Львовна наша прихожанка, она нас надоумила, - верно!

- Но, прошу меня извинить, - времени у меня в обрез, - я должен писать и стоять к вам спиной, - проговорил с досадливыми нотками в голосе Алексей Фомич. - А слушать вас я, конечно, могу...

- Нет, нет, что вы! - замахала рукой Наталья Львовна. - Я совсем не хочу вам мешать! Я зашла потому только, что дверь была открыта... Сейчас уйду!

И она действительно направилась к выходу, а за нею пошел дьякон, говоря на ходу:

- Как же это я дверей не закрыл, разиня! Ведь так и еще кто может зайти, кого не нужно совсем.

Когда он вернулся, Алексей Фомич спросил:

- Кто эта дама?

- Жена одного тут подрядчика - Макухина... Свой дом у него, а сам он на военную службу в начале войны взят... Пока что бог милует, жив... А полковника, отца ее, действительно у нас на кладбище похоронили, - в цинковом гробу его привезли... Потом и мать слепую ее мы отпели, - так что осталась теперь она одинокой.

- Да, видно, что военная косточка: походка четкая, строгая, - заметил Алексей Фомич.

- Осталась тут, возле паперти: говорит, что дождется, когда вы выйдете.

- А-а! Какие-то, стало быть, виды на меня имеет? Та-ак! - протянул Алексей Фомич. - Может быть, желает пригласить меня поужинать, - что же, я не прочь... Да и вам, отец дьякон, вреда это не принесло бы...

- Ну, теперь редко кто кого в гости зовет, - усомнился дьякон, но Сыромолотов оказался прав: только что оба они вышли из церкви, когда стемнело, они увидели Наталью Львовну, которая сказала, обращаясь к Сыромолотову:

- Вы где будете сегодня ужинать, Алексей Фомич?

- Да вот, в самом деле, - улыбнулся ей Алексей Фомич. - Я полагал, что вот отец дьякон что-нибудь приготовил в этом роде.

- Ну что вы! У отца дьякона семья, и где же у него там? Нет, уж раз я виновница вашего беспокойства, то вы ко мне и идите. Много обещать не могу, конечно, не то время, но что-нибудь заморить червячка у меня найдется. Идемте без разговоров!.. И вы, отец дьякон!

Дьякон вопросительно поглядел на Сыромолотова, и Алексей Фомич понял, что отказываться от приглашения поужинать было бы, может быть, даже оскорбительно для этой одиноко живущей молодой женщины, и не больше как через десять минут он входил уже,